

и украинскими этнографами⁵. С этимологической точки зрения, однако, эта «этнографическая специализация» — вторичное, а не первичное явление. Исходным значением этой ФЕ было, по-видимому, «бить, колотить», характерное и для его современного употребления. Слово *прочухан* образовано от глагола *чухати* «скрести, чесать», переосмысленного как «бить, сечь розгами» (ср. русск. *дать чесу* «побить»⁶). ФЕ же *дати прочухана* можно рассматривать как одно из перифрастических развертываний глаголов со значением «бить, колотить», образованное по активной фразеологической модели *дати + <удар>* (ср. укр. *дати ляца, лаяса, нагинки, нагоняй*; русск. *дать порки, туза, забучки, дрючки* и мн. др.). Не расширение «обрядового» значения, а, наоборот, этнографическая специализация более широкого исходного значения — таков результат чисто лингвистического подхода к этимологии этой ФЕ. Примерно такого же рода констатация характерна и для отношения оборота *дати (випати) берегової каші* (стр. 170—171) к ФЕ «школьного происхождения». Она опровергается славянскими параллелями, не имеющими столь конкретного ограничения сферы употребления; ср. русск. *узнаешь вкус береговой каши*⁷, белорусск. *даваць, даць бяровавай кашы «высечь розгами»*⁸, польск. *daj jej rózę, ale brzo-zowego*, чеш. *poslat pana Březovce na pékoho* и др.

Стремление к этнографической трактовке исходного значения ФЕ в книге Л. Г. Скрипник — это, вероятно, дань вековой традиции историко-этнографического подхода к фразеологии, ведущего свое начало от С. Максимова (ср., например, констатацию «чиновничьего» проис-

хождения пословицы *Дороге явчко к великодню* — стр. 157). В исторической фразеологии, однако, давно уже назрела необходимость строго разграничить сферу употребления ФЕ от собственно лингвистических факторов их образования. Такое разграничение дает возможность сделать лингвистическую аргументацию необходимой предпосылкой для выбора той или иной этнографической версии⁹.

Необходимо в то же время подчеркнуть, что общая неразработанность методики исторического анализа фразеологии оправдывает принятое Л. Г. Скрипник ограничение этого анализа рамками сферы употребления фразеологических рядов. Тщательное распределение украинской фразеологии по этому принципу дает историю фразеологии ценный материал, предварительная интерпретация которого уже сделана. Эта интерпретация, как правило, опирается на высказанные прежде этимологические гипотезы. Отдельные лакуны в этом отношении (например, ФЕ *ні в зуб* «из ученического арго» при наличии убедительной гипотезы Б. А. Ларина о его «помещичьем» происхождении¹⁰ или констатация «общеславянского» характера оборота *мати зуб на кого* — стр. 149 при известном предположении о его калькировании с франц. *avoir une dent sur qn.*¹¹) редки.

Исследование Л. Г. Скрипник дает хороший стимул для дискуссий по отдельным теоретическим и практическим проблемам. Некоторые взгляды на эти проблемы, возможно, со временем изменятся. Но богатый фактический материал монографии, обработанный опытным лексикографом, несомненно, останется ценным источником будущих исследований по восточнославянской фразеологии.

В. М. Мокиенко

⁵ См.: М. Кулишер, Межевые обды прежних времен, «Вестник Европы», 1886, июнь, стр. 615—616; И. И. Иллустров, Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках, 3-е изд., М., 1915, стр. 185 и др.

⁶ В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, IV, М., 1955, стр. 598.

⁷ Там же, II, стр. 100.

⁸ Г. Ф. Юрчанка, І коціца і валіца, Мінск, 1972, стр. 162.

⁹ Подробнее об этом. см. в нашей статье «Историческая фразеология: этнография или лингвистика?», ВЯ, 1973, 2.

¹⁰ Б. А. Ларин, Очерки по фразеологии, «Уч. зап. ЛГУ», 193. Серия филол. наук, 24, 1956, стр. 211.

¹¹ Н. М. Шанский, Лексикология современного русского языка, М., 1972, стр. 240.

«Revista española de lingüística». Órgano de la Sociedad española de lingüística. Año 1, fasc. 1, enero — junio 1971. 210 стр.

В 1971 г. вышла в свет первая тетрадь нового испанского языковедческого журнала «Revista española de lingüística». Периодичность, публикации — две тетради в год. Журнал является органом вновь образованного «Испанского линг-

вистического общества» («Sociedad española de lingüística»), задачи которого его создатели (miembros fundadores «члены-учредители») формулируют следующим образом: а) содействовать развитию лингвистических исследований в аспекте об-

щего и теоретического языкознания; б) установить контакты и наладить сотрудничество с институтами и организациями, занимающимися сходными проблемами (в частности, с Международной ассоциацией лингвистов, в которую, как говорится в уставе, Испанское лингвистическое общество намеревается влиться, когда для этого будут созданы благоприятные условия).

Столь позднее появление журнала, посвященного вопросам теоретического языкознания, в Испании, имеющей давние и прочие языковедческие традиции, может показаться странным, если не учесть некоторой специфики развития языкознания в этой стране.

Своеобразие испанской лингвистики состояло и состоит в том, что она зародилась и постоянно развивалась в лоне филологии с присущей этой науке комплексностью методов изучения, обязательным историзмом, тесной связью с конкретным языковым материалом, учетом целенаправленности речевого высказывания, вниманием к индивидуальному языкотворчеству.

Формирование лингвистических концепций в современном испанском языкознании может быть представлено как реакция на позитивизм и детерминизм младограмматиков и «обезличенный» социологизм Соссюра и вообще всей «французской социологической школы». Критика этих направлений велась с позиций эстетического идеализма (К. Фосслер), неолингвистики (М. Бартоли) и школы «слов и вещей» (Г. Шухардт). Испанским филологам и лингвистам наиболее близкой оказалась шухардтовская концепция языка.

Самостоятельность испанской лингвистической школы проявилась, во-первых, в конкретизации общих положений Фосслера — Шухардта, во-вторых, в конструктивной критике соссюровской дихотомии «язык — речь», концепции произвольности языкового знака, тезиса о принципиальной несовместимости синхронного изучения языка и исторического увлечения результатами языковой эволюции в ущерб выявлению ее причин, в-третьих, в уточнении условий, влияющих на функционирование и развитие языка (социальное положение индивида, условия его жизни, уровень его культуры, характер, возраст, эстетическое воспитание и т. п.).

Конкретизируя общетеоретические положения идеалистической эстетики, испанские филологи и лингвисты не только сняли с них налет абстрактности и умозрительности, но существенным образом их переработали: испанцев увлекала не столько концепция языкотворческой деятельности индивида (индивида вообще, любого индивида), сколько индивидуальное творчество в сфере художественной речи. Исследование языка писателя — и вообще любых текстов — стало одним

из важнейших средств изучения истории формирования и развития национального литературного языка. Именно на этом пути, уже вне зависимости от абстрактного эстетизма Фосслера — Кроче и даже в полемике с ним, были разработаны основы комплексного лингво-филологического метода изучения текстов с широким привлечением данных лингвистики, литературоведения, географии, хронологии, этнографии, истории и культуры. Создателем этого направления был выдающийся испанский филолог и лингвист Рамон Менендес Пидаль. Его идеи и методы были воплощены и реализованы в целой серии блестящих исследований его учеников и последователей — А. Кастро, Д. Алонсо, А. Алонсо, М. Альвара, Р. Лиды и др. Достижения лингво-филологической школы Р. Менендеса Пидалья велики, доказательством чему является «экспортирование научных идей и методов» в другие национальные филологические школы (ср. высказывание Д. Алонсо о том, что пидальская школа есть «la única escuela desde la cual España ha exportado ciencia»). Успехи лингво-филологии подготовили почву для расцвета испанской исторической диалектологии, лингво-географии и исторической лингвистики. Синхронное описание языка развивалось спонтанно, стимулируемое скорее нуждами преподавания, чем потребностями научно-методологического характера. Что касается общетеоретических языковедческих идей, методологии синхронного изучения языка, то нужно сказать, что здесь импорт заметно превосходит экспорт.

У испанских языковедов интерес к общелингвистическим проблемам обычно сочетается со стремлением глубже осмыслить конкретный материал частных языковедческих дисциплин, прежде всего испанистики. Типична в этом отношении книга Диего Каталана Менендеса-Пидалья «Испанская лингвистическая школа и ее концепция языка» («La escuela lingüística española y su concepción del lenguaje», Madrid, 1955), в которой автор следующим образом формулирует свой «методологический принцип»: «...постановку вопросов общелингвистического характера я иллюстрировал чисто испанским языковым материалом» (стр. 10). Более точно содержание и смысл книги отражен в подзаголовке «Введение в общее языкознание применительно к испанскому материалу».

«Структурная грамматика» Эмилио Аларкоса Льюрака («Gramática estructural», Madrid, 1951) также имеет характерный подзаголовок: «В соответствии с теорией копенгагенской школы и с особым вниманием к грамматике испанского языка» («Según la escuela de Copenhague y con especial atención a la lengua española»).

Подобная «перелицовка» испанского грамматического материала по структурным лекалам является реакцией, в какой-

то степени понятной, на традиционные грамматики, школьные и академические, которые представляют собой каталоги «случаев употребления» грамматических форм и значений, но от которой трудно ожидать оригинальности.

Испанские грамматики, описанные «по Ельмслеву», или фонологии, «сделанные по Трубецкому», иллюстрации различного рода законов (например, экономии, асимметричности языкового знака и пр.) испанским материалом, подтверждая справедливость общетеоретических положений, формул, законов и концепций, пока еще не дали желаемых (или ожидаемых) результатов: новые пути приводят чаще всего к подтверждению старых открытий (что тоже важно), чем к новым находкам.

Первый номер журнала отражает стремление редакционной коллегии сочетать исследования общезыковедческих проблем с разработкой частных вопросов в общетеоретическом аспекте. Вместе с тем, частные вопросы касаются не только испанского, но и других языков, что также соответствует стремлению редакции журнала выйти за пределы испанского материала и включить также некоторые междисциплинарные проблемы. К первому типу можно отнести теоретическую статью крупнейшего испанского филолога и лингвиста Мануэля Альвара «Билингвизм и языковая интеграция» («Bilingüismo e integración»), в которой с присущей этому автору основательностью уточняется ряд положений теории языковых контактов. Важной особенностью этой новой работы М. Альвара является не только глубокий анализ языковой ситуации в Латинской Америке, но и понимание ответственности ученых-лингвистов за судьбы языкового строительства.

Проблему билингвизма, как это явствует из заглавия статьи, автор связывает с интеграцией: слиянием индейского и европейского начал в единый национальный сплав, культурный, экономический и политический. Общность любой социальной группы может быть достигнута при помощи языка, хотя и не сводится только к языковому единству. При слиянии двух разноязычных групп происходит смена языка: одна из групп вынуждена принять чужой язык. Практически в Латинской Америке идет речь о приобщении индейского населения к национальной культуре соответствующей страны и о смене индейского языка на испанский. Процесс переключения с одного языка (индейского) на другой (испанский) осуществляется разными способами. Один из них, применявшийся еще в колониальный период, сводился к следующей программе: 1) обучение письменности на родном языке раньше, чем на испанском; 2) использование родного языка для объяснения элементарных понятий соответствующих школьных дисциплин; 3) привле-

чение в качестве учителей лиц индейского происхождения. Этот способ приобщения к национальному (испанскому) языку может рассматриваться в качестве переходного этапа на пути овладения национальным государственным языком в его устной и письменной форме.

Другой способ состоит в преподавании устной формы испанского языка с учетом местных особенностей этого языка на первом этапе и обучение общенациональной норме испанского языка на втором.

В большинстве случаев проблема интеграции решается (речь идет о рекомендациях) путем преподавания индейской письменности (на основе испанского алфавита) в начальной школе и испанского языка в устной и письменной форме в средней и высшей школе. В этих и подобных случаях речь идет вовсе не о том, чтобы индеец забыл о своей этнической принадлежности, покинул свою социальную группу, изменил характер одежды, перестал говорить на своем языке. Речь идет о том, чтобы посредством билингвизма он приобщился к более разнообразной и богатой культуре, что помогло бы ему более глубоко оценить достоинства индейской культуры и языка. Мануэль Альвар неоднократно подчеркивает в своей статье, что в таких социолингвистических ситуациях, какие сложились, например, в Мексике, Перу, Эквадоре и в других странах Латинской Америки, где наличие огромного количества индейских языков является «фактором, тормозящим национальную консолидацию», знание официального языка есть неременное условие нормального развития метисованных (не только в биологическом, но и в культурном смысле) наций.

В связи со статьей М. Альвара следует обратить внимание на то обстоятельство, что испанская социолингвистика лишена черт умозрительности и теоретичности, которые характеризуют современный этап развития некоторых национальных социолингвистических школ.

Отношения между языком и социумом рассматриваются и изучаются испанскими языковедами в двух аспектах. Первый отвечает формуле-призыву, с которым современный испанский поэт Хорхе Гильен обратился к своим соотечественникам «обитателям Пиренейского полуострова»: «¿Península? No basta geografía./Queremos un paisaje con historia» «Полуостров? География — это не все./Нам нужен ландшафт с историей». Испанские диалектологи, много и плодотворно изучавшие мозаичный лингвистический ландшафт страны, обратили внимание на социально-историческое пространство и теперь вплотную занялись «вертикальными» диалектами (М. Альвар, А. Килис, Д. Калтан Менендес-Пидаль, Г. Сальвадор, Х. Регуло Перес и др.). Среди работ этого направления следует назвать фундаментальное исследование М. Альвара,

посвященное городской речи Лас Пальмас (Канарские острова)¹.

Другой аспект испанской социолингвистики характеризуется обостренным вниманием к испанской языковой ситуации в связи с тем, что ее «участниками» в пределах государства являются официальный «высокопрестижный» испанский, с одной стороны, и «непрестижные» галисийский, каталанский² и баскский — с другой.

Ситуация таких «непрестижных» романских языков, как каталанский и особенно галисийский, в современной Испании настолько драматична, что, описывая ее, лингвисты перемежают «беспристрастные» научные термины социолингвистики с вполне оправданными социально-политическими определениями, оценивающими нынешнее положение неофициальных языков Испании как катастрофическое. Социальное неравенство двух языков — испанского и галисийского — в условиях двуязычия нашло отражение во введении специального термина «длингвизм» (*dilinguismo*), которым обозначают сложившуюся конфликтную двуязычную ситуацию: функции галийского ограничиваются узкой сферой бытового общения, тогда как испанский используется во всех престижных функциях (официально-деловой, научной, художественной)³.

Интерес испанских языковедов (и ученых Латинской Америки) к билингвизму в испаноязычных странах возник давно и всегда носил не абстрактно-теоретический, а «прикладной» характер в связи с тем, что латиноамериканский ареал с самого начала формировался как испано-индейский, а в дальнейшем и испано-африканский. Рецензируемая статья М. Альвара принадлежит к числу лучших работ, посвященных билингвизму на американском континенте⁴.

В серии статей второго типа обращает на себя внимание исследование Ф. Р. Адрадоса «Семантическое поле „любь“ у Сафо» (*El campo semántico del amor en Safo*). Теоретический смысл и научная актуальность этой блестяще выполненной работы заключаются, между прочим, в ее полемичности. В рецензии

на испанский перевод книги К. Балдинге-ра «Teoría semántica. Nacia una semántica moderna» (Madrid, 1971) Ф. Р. Адрадос, не отвергая нового («блочного») метода семантического анализа, вместе с тем считает нужным заметить: «Я лично предпочитаю исходить из совокупности реальных фактов данного языка, т. е. только таких, которые в нем действительно содержатся» (рецензия помещена в этом же номере журнала, стр. 203—205). Автор видит свою задачу «не в построении трапеций и треугольников», а в описании и анализе конкретного («текстового») материала с тем, чтобы всякий раз возникали предпосылки для установления связей между языком, литературой и мышлением.

Эту трудноустанавливаемую связь удалось показать, например, блестящему теоретику-стилисту Амадо Алонсо в целой серии работ, посвященных анализу поэтического языка писателей, крупнейшему испанскому филологу Дамасо Алонсо в исследованиях по языку и стилю Гонгоры, Гарсиасо де ла Вега, Хуана де ла Крус и др. Однако в испанской филологической школе не было сделано сознательных попыток исследования семантической природы словаря чисто лингвистическими методами (не говоря уже о структуральных). Статья Ф. Р. Адрадоса — не исключение. Вместе с тем в ней автор стремится вскрыть и описать собственные значения слов и внутриязыковые их связи, действительно существующие не только «в речи» Сафо, но и «в языке» греков, используя для этой цели комплексный анализ категорий поэтики, художественных представлений, логических понятий и элементов реальной (исторической) действительности.

Статья Хесуса Кантера посвящена способам выражения экспрессивности в современном французском языке («Los procedimientos de expresividad en francés moderno»). Интересная по материалу, она не содержит принципиально новых теоретических положений. Противопоставление старофранцузского языка как «языка сердца и чувств» (*lengua del corazón y de los sentimientos*) современному, как «языку головному и рациональному» (*lengua del cerebro y de la razón*) следует отнести скорее к чувствам исследователя, чем к рациональному осмыслению специфики французского языка, рассматриваемого по двум историческим срезам.

В небольшой, но содержательной статье Видаль Ламики описываются свойства испанского глагола с точки зрения «уровней актуальности» («Los niveles de actualidad») в соответствии с идеей Бенвениста о двух различных планах сообщения: плана истории (неактуальность) и плана говорения (актуальность). В последнем разделе статьи автор анализирует характер соотношения уровней актуальности глагола с деиктической функ-

¹ M. Alvar, Niveles socio-culturales en el habla de Las Palmas de Gran Canaria, Las Palmas de Gran Canaria, 1972.

² Ср.: A. M. Badia i Margarit, Lengua i cultura als països catalans, Barcelona, 1966; F. Vallverdú, Dues llengües: dues funcions?, Barcelona, 1970.

³ Ср.: X. Alonso Montero, Informe dramático sobre la lengua gallega, Madrid, 1973, стр. 32—36.

⁴ Обширная библиография содержится в книге Э. Хаугена «Bilingualism in the American: a bibliography and research guide», Alabama, 1956.

цией места и времени и указательных местоимений.

Индоевропейстика не получила развития ни в Испании, ни в других испаноязычных странах, поэтому появление даже небольшой работы Франсиско Вильяра, посвященной фонологическому статусу аспирированных глухих в индоевропейском («El problema de las sordas aspiradas indo-europeas») представит интерес для испанских и латиноамериканских лингвистов (особенно молодого поколения) и может стимулировать обращение их к спорным проблемам этой области языкознания.

В статье Эуалии Родон исследуется фоно-фонологическая природа /r/ в английском языке («Caracterización del fonema /R/ en inglés») и устанавливается ее двойственная природа: в современной фонологической системе она занимает промежуточное положение между согласными и гласными фонемами.

В журнале помещена единственная работа, относящаяся к разряду междисциплинарных. Речь идет о статье Хосе Луиса Пинильос «Значение с психологической точки зрения» (Significación desde el punto de vista psicológico). Автор широко использует идеи акад. И. П. Павлова о двух сигнальных системах, противопоставляя их ошибочным положениям бихевиористов и необихевиористов и приходит к выводу о том, что «значение, в конечном счете, являет собой род схемы, которая организует определенным образом предшествующий опыт, отложившийся в виде стусков-абстракций, способных реактуализироваться и развертываться под активным влиянием словесных знаков» (стр. 117).

В критико-библиографическом разделе («Reseñas») привлекают внимание пять (из 12) рецензий Ф. Адрадоса, анализирующих новые работы в области функциональной лингвистики и трансформационной грамматики (Кр. Рорер), синтаксиса (Ахманова и Микаэлян), семантики (Балдингер), теории слова как единицы языка (Крамски) и семиотической теории классов слов (В. Шмидт). Все рецензии проникнуты общей идеей: признавая полезность самых разнообразных подходов к такому сложному объекту, как язык, автор напоминает о том, что не следует забывать о реальных возможностях используемых методов, достоинство которых часто состоит в «удобстве описания», «не гарантирующем, однако, достоверности описываемого объекта».

Остальные рецензии посвящены материалам X Международного конгресса лингвистов (где особо отмечаются интересные доклады советских языковедов О. С. Ахмановой и Г. Г. Почепцова), книгам по социалингвистике (О. Урибе Вильегас), функциональному аспекту языка (А. Мартине), языковым контактам (В. Руке-Дравина) и др.

В разделе информации, кроме «Устава испанского лингвистического общества», помещены сообщения о проблемах

математической лингвистики, разрабатываемых в вычислительном центре Мадридского университета, и о работе семинара по математической лингвистике в том же университете. Одна из информации заканчивается следующими словами: «Нам хотелось бы использовать страницы этого журнала в целях наведения моста, который соединил бы нас с учеными, интересующимися проблемами языка с иных позиций, в целях преодоления языкового барьера, которым отгораживается каждая область специальных лингвистических исследований, и мы выражаем убеждение в том, что если нам удастся преодолеть этот барьер, то все от этого окажется в выигрыше; при этом следует признать, что в наибольшем выигрыше окажемся мы сами, ибо, погружаясь целиком в исследование формальной стороны языка, мы часто упускаем из вида материальную субстанцию изучаемого объекта».

Характерно заявление, свидетельствующее о том, что самые общие идеи испанской национальной филологической школы служат испанским представителям математической лингвистики своеобразным ориентиром, не позволяющим терять из виду действительные пределы своих знаний.

Тот же дух филологий как комплексной науки пронизывает и лучшие лингвистические статьи журнала.

«Испанский лингвистический журнал», на страницах которого, естественно, должна найти отражение чисто испанистическая проблематика, явится важным пополнением журнального фонда, основу которого составляют такие широко известные испаноязычные периодические издания, как «Revista de filología española» (RFE), выходящее в Мадриде, «Nueva Revista de filología hispánica» (NRFH) — в Мексике, а также несколько академических и университетских бюллетеней: «Boletín de la Academia Argentina de letras» (BAAL) — в Буэнос-Айресе, «Boletín de la Real Academia Española» (BAE) — в Мадриде, «Thesaurus. Boletín del Instituto Caro y Cuervo» (BICC) — в Боготе и некот. др.

Включение общероманской тематики и исследований по отдельным романским языкам или подгруппам романских языков восполнит в какой-то степени отсутствие в Испании специальных романстических журналов вроде «Romanische Forschungen» (RF, Кёльн — Франкфурт), «Revue de linguistique romane» (RLiR, Лион), «Romance philology» (Rom Ph., Беркли — Лос-Анжелес — Лондон), «Romanic review» (RR, Нью-Йорк) и др.

Однако следует полагать, что первый лингвистический журнал Испании в дальнейшем будет уделять внимание широкому кругу языковедческих проблем, связанных не только с романской и испанской тематикой, но с общей теорией языка и с другими частными языковедческими дисциплинами.

Г. В. Степанов